
ЛИСТВА

ЖУРНАЛ-СТУДИЯ «ВОЛОГДА»

Дарья Михеева

Листва. Журнал-студия «Вологда»

«Издательские решения»

Михеева Д. С.

Листва. Журнал-студия «Вологда» / Д. С. Михеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901726-0

Журнал «Листва» — свободное студийное издание, площадка для начинающих авторов, которые пробуют себя в стихах, прозе, критике... Здесь можно обнаружить и первые, пока робкие строки, и внезапную энергию настоящего дара. 15 номер посвящен 15-летию студии «Лист».

ISBN 978-5-44-901726-0

© Михеева Д. С.
© Издательские решения

Содержание

«Листва» №15	6
ОТЗЫВЫ О «ЛИСТВЕ» -14	7
ПРОЗА	10
Юрий Головченко. Речные трамвайчики	10
Роман Красильников – гость номера. Музейный смотритель	13
Анна Политова. Белый журавлик	19
Надин Ривз. «Мечты в формалине»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Листва

Журнал-студия «Вологда»

Фото Дарья Сергеевна Михеева

Составитель Галина Александровна Щекина

Орг.помощь, подготовка текста Сергей Михайлович Фаустов

ISBN 978-5-4490-1726-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Листва» №15

Печатный орган литературно-краеведческой студии «Лист», Вологда, 2018. Выходит с 2003 года; стартовая площадка для начинающих авторов и участников студии. В 2018 студии «Лист» исполняется 15 лет.

ОТЗЫВЫ О «ЛИСТВЕ» -14

Наталья Усанова. О существовании «Листвы» я слышала и раньше, даже неожиданно для себя публиковалась на её страницах. Однако прочитать журнал от корки до корки у меня получилось лишь в январе 2017-го года.

Галина Александровна прислала мне «Листву №14» как бывшей студийке.

Я просматривала номер, вспоминая прежний «ЛИСТ» и заодно «Ступени». Сразу же отыскивала знакомые имена. Интервью, взятое Ольгой Кузнецовой у Сергея Фаустова. Подборка стихотворений Регины Соболевой. Очерк Антона Чёрного о творчестве Михаила Сопина.

Вспоминать знакомых было приятно, но вдруг я задумалась: стоп, а ведь Ольга Кузнецова никак не «листочек», она вполне самостоятельное «дерево» с крепкими корнями. Регина Соболева опять же «дерево» (или, если учитывать особенности её творческого метода, колючий «куст»). И так далее.

Разве журнал не для начинающих авторов, которые занимаются в студии?

Дальнейшее чтение номера ещё больше сбilo меня с толку: раньше «ЛИСТ» был молодёжным объединением, а теперь он, получается, совершенно перемешался со «Ступенями»? Творчество опытных или просто более старших авторов как таковое в «Листве» уместно: да здравствует разнообразие! Причина моего недоумения не столько в подборе материала, сколько в подаче.

Мне не хватило чёткого разделения рубрик, которое позволило бы понять: вот здесь – студийцы, молодые ребята, а здесь – гости номера.

Путаницы добавили и биографические справки, приведённые после текста. Сначала я читала рассказ, а потом узнавала, какого возраста автор. Будь «Листва» требовательным изданием на уровне столичного журнала-толстяка, биографии после текстов оказались бы уместными, но она калейдоскоп из очень разных по качеству произведений. Можно возразить: «Зачем сразу ставить биографию? Читатель будет предвзято настроен и, пожалуй, вообще пролистает произведения новичков!» Не пролистает.

Любительские тексты очень интересны, просто иначе, нежели профессиональные.

«Листва №14» отлично иллюстрирует данное утверждение. Скажем, в прозе студийцев масса общих черт, которые наводят на любопытные мысли о ситуации в литературе, да и просто в жизни за окном.

Типичный герой рассказов – неприятный для окружающих одиночка («придурашная» Люда, «зассанец» Саша, «девочка-катастрофа» по кличке Минога, клептоман Алексей). Конфликт часто возникает на мистических основаниях, непонятных для героя (и, думается, эта мистика объясняется не только желанием авторов попроще обустроить сюжет). Продолжение темы оставляю для личного дневника – вернусь к разбору «Листвы».

По-моему, редактору журнала надо стать менее добродушным и требовать от авторов серьёзной работы над текстом. Авторы обидятся? Ничего, пусть вместо 160 страниц от издания останется 100. Увы, в «Листве №14» по соседству с достойными работами удобно обжились вещи, пригодные для публикации разве что на личной страничке соцсети. Неглубокие откровения в духе «Меня обсудили хорошо (...), заслужил, (...) крутые вещи предстоят мне, слава Богу», «гуд джоб», «это не есть борщ» как раз и «не есть борщ». Журнал нельзя превращать в распечатку из Интернета, иначе зачем журнал? Гиперссылки в нём, кстати, не работают – можно хоть того дольше стучать по ним пальцем... Напоследок ещё одна капля дёгтя в бочку дёгтя. «Авторская редакция» текстов, о которой упомянуто под выходными данными, вряд ли оправдывает промахи корректора. Пара-тройка опечаток для номера – неизбежное зло, но в журнале много полновесных ошибок. Я написала много замечаний, но родились они именно потому, что «Листва» показалась мне хорошим, нужным делом.

В студии «ЛИСТ» собрались талантливые ребята; им необходимо экспериментировать и публиковаться. У Павла Громова, Григория Фищука, Виктории Кушиной и некоторых других «листочков» есть реальные шансы пустить корни в почву большой литературы

Инна Ермилова. Чтобы «Листва» не завяла

Я впервые знакомлюсь с журналом «Листва». Как знаменитое «театр начинается с вешалки», так любой журнал – с обложки. На ней замечательное фото студийки Жени Лапцовой – очень трогательное и прозрачное, что сразу создаёт настроение. Журнал содержит три раздела, после прочтения оставил хорошее впечатление. Здесь представлено много работ начинающих авторов. Ключевое слово – «начинающих». Например, Дмитрий Трипутин пробует себя в жанре прозы, да и себя я отношу к этой категории. По приблизительной оценке, две трети сборника отданы новичкам-студийцам, это довольно много. Никакой путаницы с биографиями, а вернее с их расположением я не увидела. На мой взгляд, наоборот, в этом есть какая-то интрига, а может быть, задумка автора. Подробнее остановлюсь на разборе раздела «проза». Больше всего меня тронул рассказ Марии Багировой, мне очень близка его тема, потому что я по профессии педагог. Понравилась работы и других студийцев: «Украденное счастье» Ани Политовой, работы Василия Макарова – светлые и с верой в лучшее, захватил рассказ «Колодец» Александра Фальтеро. Желаю всем начинающим авторам успехов! Что касается критики в адрес сборника, хочу добавить, что его формирует один человек – Галина Александровна Щекина, это очень тяжело, поэтому «Письма издалёка» здесь не помогут, здесь нужна реальная помощь, иначе «Листва» завянет, что очень жаль!

***

С. Чернышева

Вышел журнал «Листва», уже 14. В этот раз он получился пёстрый и неординарный, так как наряду с известными именами – Соболева, Щекина, Трипутин, Васильев – печатаются уже полюбившиеся новые авторы – Марков, Багирова, Кушина и, конечно, яркие открытия студии нового сезона – Громов, Фищук. Журнал изменился, он стал более объёмным и интересным. Появились познавательные рубрики: «Новые книги», «Эхо фестиваля»

Впечатлений много, но обо всём по порядку. Журнал начинается с прозы М. Багировой, как я понимаю, не случайно. Произведение классное, абсолютно собственное творчество, где даже «дух анчаровской прозы» уже неважен. Мария его очень удачно презентовала на «Плюсовой поэзии» – поздравляем!

Очень интересно пишет Г. Фищук, но пока не хватает жизненного опыта, поэтому по содержанию иногда хочется поспорить. Ну да дело автора. Проза легкая, гармоничная, нравственная

Из раздела «Поэзия» впечатляет самобытная М. Багирова. Я уже слышала, как она читает свою поэзию из армянского цикла. Правильно пишет Д. Трипутин в комментарии, что «на себя обращает внимание мощная энергетика стихотворений». Меня эта энергетика просто несёт, и я уже не обращаю внимания на рифмы, неточности. Хотя Василий Макаров призывает к этому – прислушаться нужно

Стихи Виктории Кушиной просто великолепные. И даже не потому, что она сливается с природой, так как кто только не вращал в матушку землю. Кушиной удаётся быть творцом этой красоты, своей особой, в ином мировоззрении, с другой памятью

Как всегда, удивляет Регина Соболева очень искренними сильными порывами и современными мотивами, мастерской метафоричной речью. Хорошие поэтические задатки наместились у Г. Фищука. Хочется читать снова и снова. А стихотворение П. Громова настолько вмещается в человеческое сознание, что строчки просто навязчиво обуревают. Образно, ярко, мелодично

Отдельно бы хотелось остановиться на рубрике «Новые книги». Очередной раз порадовалась за книгу критики В. Макарова «Вслед за автором». Действительно, нужная вещь. Попро-

буй расскажи ярко и эмоционально, без занудства о любимых писателях и произведениях... У Василия получилось. Наметился новый критик – читатель, писатель, поэт

Замечательно, что вышла электронная книга о Сопине. И Антон Чёрный выделил в своей статье самое главное: монологи автора, записанные Щекиной, помогут понять творчество поэта в будущем, так как появится всё больше ключей

Особенно рада, что вышла книга «Гуманитарные эксперименты». Безумно люблю читать всё, что пишет Сергей Фаустов. Поэтому для себя решила: книгу нужно найти! Татьяна Андреева, кандидат филологических наук, попыталась прочитать и разобраться. Больше скажу, С. Фаустов тоже кандидат, но вот не утратил особое зрение на литературу. А вот строки, где Андреева спорила, что как раз «высоколобому бомонду» дано понять, оценить и выпустить в люди новых авторов, затронули до глубины души. Хватит абортить современную литературу! Не нравится – не публикуйте, но и всех причёсывать одним гребнем погодите. А дальше Т. Андреева уже противоречит себе, утверждая, что новые слова и понятия растиражируют и поймут. Кто? Опять Щекина. Впрочем, не бомонд же. В 21 веке намечается новый читатель, вдумчивый, ищущий новые формы и понятия. Он уже в детском возрасте отмечает, что Толстой пишет хорошо, но структура произведения неудачная. Решились бы вы на это в десять лет? Мыслей бы не было. Поэтому вологодская литература, богатая своими творческими именами, где даже за последние 20—30 лет появились Сопин, Жаравин, Щекина, Кузнецова, Сучкова, Маркова, Мелёхина, требует творить образно, ярко, по-новому. И в этом смысле у «Листвы» очень важная и нужная миссия— поддержать будущее вологодской литературы.

ПРОЗА

Юрий Головченко. Речные трамвайчики

В славном городе Ярославле, а впрочем, и в городе Костроме, да и в других более-менее крупных городах, расположенных на более-менее крупных реках, присутствует такой совершенно замечательный вид транспорта как речной трамвайчик. Замечателен он тем, что на нем местные жители совершенно спокойно добираются до противоположного берега, не стоя в пробках на мосту через великую русскую реку по три часа душным летним полднем, в собственном автотранспорте или же в общественном. В основном местные жители едут на дачи, их баулы полны провизией, в их руках лопаты и сажены, на головах их широкие шляпы, а на ногах резиновые сапоги. Они пользуются этим транспортом постоянно и не видят в нем никакой экзотики. Но есть и другая категория пассажиров трамвайчика – это празднично шатающиеся туристы и местная молодежь. Для них это чудо научной мысли замечательно в первую очередь ценой, потому что поездка стоит чуть дороже городского билета на автобус, и за эти смешные деньги они получают двухчасовую водную прогулку на свежем воздухе, вдоль живописных берегов. Они не обременены годами и вещами, они распивают на палубе пиво и лимонад, кормят чаек, фотографируются, веселятся и наслаждаются жизнью под неодобрительно-завистливыми взглядами дачников. Речной трамвайчик ходит зигзагом. Сначала на ту сторону, потом на эту, потом снова на ту, потом снова на эту, все больше удаляясь от речного вокзала, а потом, достигнув конечной точки, идет тем же зигзагом обратно. На станциях кое-где есть небольшой пирс, а где нет, там трамвайчик просто наползает брюхом на песок – брюхо у него плоское, он же речной – и выкидывает на берег трап. Люди сходят, заходят, а трамвайчик, включив «полный назад», стаскивает себя с песка и, развернувшись, устремляется дальше по течению. По пути встречаются рыбаки в лодках, простых и с мотором, в жару – водные мотоциклы и катера, и, конечно, очень много барж. Пустых, которые, зацепив впереди себя по две-три штуки, легко тащит маленький пузатый буксир, и полных, еле ползущих, почти не выступающих из воды, если смотреть с берега. Иногда попадаетесь круизный теплоход. Совсем редко – какой-нибудь морской сухогруз, непонятно как здесь оказавшийся и явно отличающийся от речных своих собратьев формой и размерами, прежде всего высотой. Щепка в своей стихии, здесь, на реке, он словно попал в Лилипутию. Ближе к берегу на пустой барже стоит землечерпальная машина, она рычит и дымит, поднимая со дна свой тяжелый ковш с грунтом и высыпая все поднятое на соседнюю баржу, которую периодически меняет на пустую еще один буксир.

Но вот мы и прибыли на конечную станцию, дачники сошли, и трамвайчик побежал обратно, по тому же маршруту. Скоро путешествие закончится, оживление на палубе спадет, даже туристы очнутся от своей романтики и начнут планировать вечер; и вот все сойдут на берег, унося приятные воспоминания и сумбур в голове по поводу пропавших двух часов жизни. Это так странно, что хочется вернуться, но второй раз будет уже не то; может быть, завтра или через год. Хочется вернуться.

Источник вдохновения

Мы пришли с Лешей в библиотеку, по какой-то нашей учебной надобности, а там, смотрю, она сидит за столом одна и что-то такое то ли чертит, то ли считает. И сердце мое забилося сначала в горле, а потом и вовсе где-то в районе ушей. Но все-таки подошел и даже присел рядом.

– Привет, – говорю. – Давай хоть познакомимся что ли? Ты кто? – спокойно так говорю, хотя мне и хочется закричать, что я люблю ее так, что прямо сейчас же умру тут на месте. Но это пройдет.

– Юля.

– Привет, Юля. А я – Юра.

– Я знаю.

– Я тоже.

Молчим.

– Так ты Юля, – говорю, – и все?

– А что ты хотел? Где учусь, домашний адрес?

Глупышка, знаю я все уже давно, и домашний адрес в том числе, не зря специальность моя компьютерная. И уж тем более, где учишься, знаю, со мной же ты и учишься на факультете. Я все про тебя знаю, но не знаю ничего. Ты – загадка, Юля. Ты – мое любимое имя. Ты – мой наркотик, и я давно на игле твоей красоты. Не знаю, откуда ты взялась такая, не помню, как встретил тебя на самом первом курсе, в самую первую нашу сессию, когда мы вместе сдавали начерталку. Не видел, как ты смотрела на меня с интересом тогда, почти так же, как я смотрю на тебя сейчас, не отрываясь, а я тебе улыбался, просто так, почти так же, как ты мне улыбаешься сейчас. Не волновался, когда ты проходила мимо по коридору, не смотрел твоё расписание, чтобы случайно оказаться рядом. А сейчас все знаю и все помню. Но сейчас – не тогда, тогда в голове еще была совсем другая, за эти три года я изменился и увидел тебя, а ты остыла, оценила свою красоту. – Нет, – говорю коротко, на большее не хватает дыхания. Я просто посижу рядом с тобой. Занимайся своими делами. А я буду просто смотреть и тихо умирать от такой красоты, на этой игле. Буду запоминать надолго, очень надолго твою хрупкость, твои слегка восточные черты: волосы с красным оттенком, тонкие гнутые брови и, как всегда, черные-черные глаза. Просто смотреть и запоминать, потому что я уже вижу: в них, в твоих глазах, меня нет. И я даже не стану ничего тебе говорить, просто буду смотреть. Как смотрю каждый раз, когда ты проходишь мимо и когда я, зная твоё расписание, где-то рядом. Как смотрю иногда через тонкую щелку приоткрытой двери, когда ты меня не видишь и сама с усердием вглядываешься в каракули на доске, надеваешь очки, поправляешь волосы и (о, чудо) становишься еще краше, впрыскивая мне прямо в мозг новую дозу. – Ну, я пошла, – она собирает свои тетрадки, встает и уходит, – пока. – Пока, – я все еще на игле. Минут через двадцать пройдет эйфория и начнется ломка – до следующей predeterminedенной случайной встречи. И мозг начнет разрушаться, выдавая сумбуром, вперемешку сотни строчек стихов – глупых и не очень, детских и не очень, грустных и очень грустных.

Поймать солнце

Во-первых, я люблю лето, тепло, жару.

Мой знак – Лев, планета – Солнце, стихия – Огонь. Я наслаждаюсь жарой: сухой ли жарой степи, пылью проселочной дороги, желтыми лицами подсолнухов; влажным ли дыханием теплого моря, блестящими солеными брызгами, оставляющими через минуту белые круги на коже; редким ли северным теплым днем, когда можно снять рубашку. Люблю горячий асфальт, прилипающий к подошвам, сухие сосновые иголки на теплом желтом песке, открытые окна домов.

Многие любят лето, но не любят жару, а я люблю. Приятно плавиться на самом солнце-пеке, подставлять теплу свою тонкую кожу, высохшую и смерзшуюся за нашу долгую зиму, с октября по май. Лета так мало, всего три месяца, а если по-настоящему – не всегда и один месяц набирается в сумме. Настоящие теплые дни раскиданы, размазана одна порция лета тонким слоем на три куска, как в этом году. Плохой год.

Говорят, любишь то, чего мало, но нет: я прекрасно чувствую себя, например, в том же Египте. Особенно приятно, что ночью тоже тепло, не надо закутываться в носки и одеяла, прижиматься к печке или батарее, не надо все время пить чай, грея руки об чашку, нос над нею, и себя изнутри. А днем в этих жарких странах сущее блаженство, хотя и приходится сильно щурить глаза, так, что приезжаешь в морщинистых полосках загара. Зато все тело впитывает лишние градусы с благодарностью и любовью и с наивной надеждой: вдруг помогут зимой. Сейчас сижу на дачном крыльце. Хотя на градуснике всего +15, босые ноги мерзнут, нос холодный, но предпоследнее августовское солнце светит мне прямо в живот, светит и греет, а я хочу поймать его побольше и не уйду в дом.

Роман Красильников – гость номера. Музейный смотритель

Г. А. Шекиной

«Музейный смотритель относится к категории технических исполнителей...» Из должностной инструкции

***

– Доброе утро, дорогие телезрители! В адрес нашей телепередачи поступил вопрос от Пересветовой Екатерины из города Пермь: «Уважаемый владыка! Почему так часто в церкви звучит слово „раб“, причем в положительном смысле? Мне кажется, что быть рабом, даже Бога, нехорошо».

Борис Егорыч внимательно смотрел на экран. Он получал необъяснимое удовольствие от голоса и от облика ведущего, от его неспешной манеры рассказывать о самых важных и трудных вопросах. С каждым словом пастыря в сердце входила благодать, уверенность в своих силах, расклеенная жизнь склеивалась, а душевные раны заживали.

– Церковь христианская сыграла огромную роль в разрушении рабства. Хотя христианство никогда не выступало с политическими программами и никогда не обращалось с призывом бороться с рабовладельческим строем, само по себе христианское послание было настолько противоположно идее рабства, что в конце концов с победой христианства разрушилась и рабовладельческая Римская империя.

Не все слова пастыря Борис Егорыч принимал на веру. Он видел и понимал сильные и слабые стороны религии, блеск и нищету ее истории, много размышлял об отдельных событиях и явлениях: мученичестве первых христиан, крестовых походах, испытаниях советского времени. Наверное, его раздумья касались только поверхности на водной глади сокровенных знаний, но он мыслил так, как умел: где-то соглашаясь с услышанным или прочитанным, где-то делая самостоятельные выводы, а где-то отказываясь заглядывать за стену противоречий.

– Господь не называет своих последователей рабами. Напротив, он говорит, что вы не рабы мне, а друзья, потому что раб не знает воли господина своего, а вы знаете мою. Значит, слово «раб Божий» – это то, что сами люди придумали, сформулировали. Почему же в церкви так устойчиво используются эти слова? Христиане называют себя рабами Божиими в том смысле, что считают идеалом для самих себя исполнение воли Божьей. А воля Божья благая и совершенная, как нас учит Священное Писание. Значит, исполняя благую и совершенную волю Божью, мы достигаем благодати и совершенства нашей жизни, раскрываем свой потенциал, возвышаем свою личность.

«Я не раб, – подумал Борис Егорыч, – и хочу достичь благодати и совершенства».

Его отношения с церковью не были идеальными. Каждый раз, когда Борис Егорыч становился в храме с чем-то, что противоречило его представлению о Боге, он уходил оттуда и не возвращался. Как правило, его волновало неуважение к человеку, проявлявшееся в поведении людей, прислуживавших в церкви, или даже священников. То старушка нагрубит в церковной лавке, требуя от посетителя точной платы за свечу. То поп на исповеди слишком строго спросит о прелюбодеянии, о котором прихожанин думать думал, но считал борьбу с этими мыслями личным делом, пока что успешно выигранным у беса-искусителя. То однажды встретил одноклассника, который слыл шпана шпаной, а теперь пошел во власть и приезжал на дорогой машине поговорить с духовником; священник встречал его не без пиетета и по-отечески журил, заигрывая с «большим человеком».

Все это нарушало настрой, с которым Борис Егорыч подходил к храму, готовился войти в обитель Бога и попросить прощения за свои грехи, сомнения и поступки, казавшиеся неправильными. Вскоре все местные церкви лишились своего прихожанина.

Борис Егорыч, как ему казалось, честно искал духовное пристанище и долгое время не находил. Внезапно таким храмом для него стала телепередача, в которой пастырь произносил удивительно точное и верное слово. «Я верую», – хотелось сказать после каждой программы, и Борис Егорыч так говорил.

***

Борис Егорыч работал смотрителем в местном музее, расположенном в бывшем соборе. Здание поражало своим внешним видом: оно было построено в восемнадцатом веке в стиле барокко, украшено полуколоннами и лепниной. Внутреннее помещение отличалось прекрасной акустикой, здесь, в окружении экспонатов, часто проходили концерты.

Экспонатами были иконы, хорошо сочетававшиеся с духовной и другой классической музыкой. Среди всех образов, рожденных в разные века, Бориса Егорыча привлекал один, рядом с которым он старался проводить как можно больше времени. Это была самая старая икона из собрания музея, датируемая четырнадцатым веком, – «Богоматерь Умиление». Сохранился только красочный слой на центральной доске – лики Марии с Младенцем и частично их руки и одежда. Огромные глаза Богоматери, зеленоватый колорит иконы производили на зрителя глубокое впечатление. «Каждый раз – как первый», – любил повторять Борис Егорыч, когда утром заходил в алтарное пространство, где выставлялась икона, включал свет и вглядывался в образ. Как ему казалось, «Богоматерь» и место вокруг нее – апсида, конха – источали истинную благодать, какую он не встречал нигде прежде. Разве только при встрече с пастырем во время воскресной телепередачи.

Как известно, среди музейных смотрителей не бывает мужчин. Не нужно доказывать, что Борис Егорыч был исключением. До пенсии он работал реставратором в мастерской при музее, но был скорее исполнителем, чем руководителем или исследователем. Он больше помогал, выполнял черновую работу, самостоятельно восстанавливал произведения искусства, которые считались не столь ценными. Поэтому приработков у него было немного: частные заказы получали другие реставраторы, более авторитетные и активные.

В училище на эту специальность его когда-то определил отец, потомственный реставратор. Борис Егорыч, любивший с детства рисовать, выжигать, мастерить деревянные модели, воспринял этот поворот судьбы с благодарностью, но знал, что никогда не достигнет высот родителя (Егор Васильевич когда-то участвовал в восстановлении фресок самого Рублева). Он был более замкнут, как говорится, себе на уме. Поэтому и окончил училище в середнячках, устроился на работу в провинциальный город за пределами Золотого кольца и предпочитал в музейной мастерской тихую, размеренную работу на вторых ролях.

Но за внешним спокойствием Бориса Егорыча скрывалась настойчивая и беспокойная внутренняя жизнь. В советское время он удивлял своих коллег интересом к богословской стороне иконописания, вчитывался в атеистические истории церкви в поисках цитат из Иоанна Дамаскина, Феодора Студита и других святых – и вписывал их в контекст личного отношения с образом и Богом.

Этот интерес не остался незамеченным со стороны его соседки по мастерской – Нины. Она была тоже одинока, погружена в исследование изображений Прокопия Устюжского и однажды получила обстоятельный ответ от Бориса Егорыча на вопрос о богословском обосновании иконного образа. Они стали поглядывать друг на друга, сходили вместе на несколько концертов в здании бывшего собора и внезапно нашли рядом человека, который умеет молчать и слушать.

Когда началась перестройка и в открытую заработали церкви, Борис Егорыч начал свои «поиски храма». В один из них он пригласил и Нину: «посмотреть» на службу, «встретиться с верой» за пределами мастерской и научных исследований. Но на молодую женщину эта «экспедиция» не произвела впечатления: она осталась, как и была, убежденной атеисткой, не признававшей мистических откровений и поисков.

Однако разногласия относительно церкви не помешали их общению. Они умели не заходить на территорию близкого человека, уважая его мнение и увлечения. В этой ситуации им не оставалось ничего более, как пожениться и жить долго и счастливо.

Так и случилось, но далее их жизнь развивалась с поразительной быстротой, совершая невероятные повороты. Лет пять пронеслись, как киноплёнка: начало девяностых, нищета и тоска освободившихся людей, верность профессии и борьба с бытовыми трудностями. Нина никак не могла забеременеть, возраст у нее уже был для рождения ребенка критический, а Борис Егорыч, как мог, утешал ее и себя. У него же не было желания иметь детей: его занимали другие поиски – материальные и духовные. Эта проблема стала постепенно подтачивать их отношения, и в конце концов между ними образовалась трещина, которую оба не смогли ничем заполнить.

Из квартирки Бориса Егорыча Нина переехала к маме, на работе старалась с ним не разговаривать. Он подумал, что ей нужно время, чтобы пережить произошедшее, и, надламываясь внутренне, дал ей возможность почувствовать себя свободной. Через пару месяцев он увидел жену с незнакомым мужчиной в кафе, потом узнал, что она переехала к нему. Все было кончено.

Нина забеременела. Она светилась от счастья на работе и даже смягчилась к нему, время от времени ненароком вскрывая его кровоточащие раны. Они снова общались, но на другом уровне – договаривались о разводе и развелись.

Нина не успела выйти второй раз замуж. У нее родился ребенок с синдромом Дауна. Ее любовник не согласился признавать такого сына своим и порвал все отношения с матерью.

Нина лежала в больнице. Она оказалась не готовой принять ребенка, разрушившего ее новую семью, и отказалась от него. Клубок противоречий разрывал ей мозг, и она не знала, что дальше делать.

Борис Егорыч забрал ее из больницы в свою квартирку и уговорил отказаться от первоначального решения. Они забрали сына Нины к себе, назвали его Семеном и начали новую жизнь. Это оказалась очень трудная жизнь: в стране не было возможностей для воспитания таких детей, никто не знал, что с ними делать. Семен в глазах окружающих выглядел недочеловеком, которому не было места в обычном обществе.

Борис Егорыч, как мог, в одиночку зарабатывал деньги на пропитание семьи. Нина была вынуждена заниматься только ребенком. Случайно она познакомилась с голландской парой, путешествовавшей по России со своим сыном с таким же синдромом. Иностранцы убедили ее, что Семен уникален и способен на многое. Нина получила приглашение в Голландию в центр, занимающийся воспитанием и социализацией детей с синдромом Дауна...

Глядя на «Богоматерь», Борис Егорыч зачастую замечал в иконе знакомые черты. Его бывшая жена организовала благотворительный фонд, помогающий детям с синдромом Дауна в России. Приемный сын получил возможность стать полноценным членом общества, но не здесь, а в Голландии. Однако их связи становились все менее и менее крепкими, чему способствовали расстояния и время. Он был одинок, и его поддерживали только духовные поиски – своего пути и своего храма.

***

– Опыт неверия проходит каждый человек. У каждого человека в какой-то определенный момент жизни, а часто и неоднократно, появляются сомнения. И присутствие сомнений в душе человека, в его мысли совсем еще не свидетельствует о том, что человек впадает в грех. Сомнение – это не неверие. Сомнения даруются нам как некое испытание, в хорошем смысле слова искушение, на которое мы должны ответить не отказом от Бога, а принятием Бога.

Борис Егорыч удивлялся и радовался мудрости пастыря. Смотрителя часто обуревали сомнения. После жизненных невзгод и разочарования в местных храмах он стоял на грани

отчаяния. И только «Слово пастыря» спасало его, не раз приходя на помощь в трудную минуту – и в девяностые, и в двухтысячные.

– Вот если кто-то из нас проходит через сомнения и в результате этого опыта вновь обретает веру, чаще всего у такого человека и жизнь потом меняется. Потому что выстрадана его вера, это вера не на уровне просто отвлеченного знания, эта вера живет в человеке на уровне его реального опыта.

«Я верую», – радостно думал Борис Егорыч с высоты своего опыта сомнений и страданий.
***

После выхода на пенсию Борис Егорыч решил стать музейным смотрителем. Скромная, плохо оплачиваемая должность, но других вариантов у него не было: он не мыслил себя без музея, а сидеть дома без дела не хотелось. Вначале его определили в западную часть собора, ближе к дверям, где вечно гуляли сквозняки. Здесь располагались иконы восемнадцатого века, рядом с которыми ему сидеть было не очень весело. Особой святости в них он не чувствовал, время от времени разглядывал фигурки в клеймах да помогал экскурсоводам не допускать до экспонатов фанатичных паломников и шкодливых мальчишек.

В первые же дни Борис Егорыч понял, что хотел бы сидеть в алтарной части собора. Не тепло привлекало его сюда – он открыл для себя икону «Богородица Умиление», от которой исходил ровный и мягкий внутренний свет, обволакивавший зрителя и проникавший в него. Он никогда не имел дел с этим образом в реставрационной мастерской. Впрочем, икона не открывалась, по-видимому, каждому – пробегающему мимо или вторгающемуся в нее исследовательской рукой. Она ждала особого часа, когда свет и звук в храме уравниваются, застывают и являют притаившемуся наблюдателю чувство гармонии и совершенства.

Смотрители не слишком-то стремились работать в алтарной части. Здесь было гораздо больше ценных экспонатов, а значит, больше ответственности. Поэтому, когда коллегу, работавшую в этом зале, настиг очередной приступ артрита и она взяла больничный, Борис Егорыч договорился о смене своего поста.

***

Весть о смерти патриарха быстро облетела музей. Борис Егорыч поймал себя на мысли: «А что если?» Вскоре эта мысль стала реальностью: пастыря избрали патриархом.

Борис Егорыч поначалу смотрел интронизацию с радостным чувством, пока не ощутил тревогу. Как изменится этот человек, достигнув высот церковной карьеры? Как он будет себя вести? Наконец, что будет с любимым «Словом пастыря»?

Борис Егорыч уже во время церемонии замечал страшные для него перемены: помпезность, с которой было обставлено вступление на престол, непроницаемость лица того, кого он считал чуть ли не другом. Насторожили зрителя и слова, сказанные патриархом на встрече с президентом:

– Дух симфонии, но не буква, должен реализовывать себя в рамках того законодательного поля и на основе тех конституционных положений, которые существуют. Это открывает замечательную перспективу развития церковно-государственных отношений таким образом, чтобы ни государство, ни церковь, не вмешиваясь в дела друг друга, уважали взаимно позицию друг друга по этим внутренним делам и одновременно выстраивали широкую систему взаимодействия, диалога и сотрудничества.

Отношения Бориса Егорыча с государством трудно было назвать идеальными. Оно уничтожило все сбережения его семьи в начале девяностых, не предоставило ни шанса Семену, всю жизнь платило музейщикам нищенскую зарплату. И вот лучший друг, пусть и сделав массу оговорок, вступил на путь сотрудничества со злейшим врагом, от которого можно было спастись только одним способом – бегством в себя.

Тревоги относительно любимой телепередачи тоже оправдались. Она не сразу, но продолжилась. Однако это был другой пастырь. На нем теперь лежала печать величия, отделяющего патриарха от простых людей. Исчезла душевность, мягкость, появились жесткие нотки и большая назидательность. Или это только казалось?

Дальнейшие события усилили разочарование Бориса Егорыча. Немилосердное отношение церкви к хулиганкам, по глупости и гордыне своей осквернившим храм, закон о защите чувств верующих, скандал вокруг часов патриарха – все это правдами и неправдами вторгалось в душу. В жизни зрителя остался только тихий свет «Богоматери».

***

– Егорыч, подпиши петицию! – сказал зрителю Ленька, работавший в музее электриком.

– Какую петицию?

Уже беглый взгляд на листок поверг Бориса Егорыча в ужас. В петиции работники музея протестовали против передачи здания в ведение церкви.

– Лёнь, как это возможно?

– Федеральный закон, Егорыч. Против него не попрешь, но мы попробуем.

Поняв, что недосмотрел что-то важное, зритель начал расспрашивать в музее о происхождении. Оказалось, что патриарх сменил местного митрополита на нового, более молодого, расторопного и делового, потребовав от него активного «продвижения» церкви в регионе: увеличения количества приходов, священников, учащихся, выбирающих «Основы православной культуры» в школе, а также реализации закона о передаче РПЦ церковного имущества. Пустые и ложные цифры, планы и отчеты, которые с недавних пор принялись душировать все творческое в культуре, науке и образовании, вторглись и в сферу веры человека.

Юридически полагалось искать и готовить для музея новое здание в течение нескольких лет, но губернатор накануне выборов запланировал приезд патриарха на следующий год, отчего и ускорил возврат собора епархии.

Все вокруг завертелось. Петиция осталась без ответа, обсуждение в СМИ закончилось ничем. Музейщики планировали организовать митинг, который местные власти под удобным предлогом отменили. Тогда кто-то предложил провести несанкционированную акцию протеста, на что Ленька многозначительно заметил:

– Можно получить реальные сроки. Никто сейчас не застрахован.

О несанкционированном митинге никто больше не заикался.

Тем более, что беспокоящийся о своем медиарейтинге губернатор предложил музею конкретное здание, хотя и неудобное для экспозиции. Страсти потихоньку улеглись. Музейщики начали готовиться к переезду. Борис Егорыч участвовал в этих приготовлениях, но чувствовал себя, как в тумане.

***

Открытие музея в новом здании затянулось. Помещения требовали ремонта, на который у области не было средств. Предполагалось, что в новом здании музей икон откроется в лучшем случае через полгода.

Но в это время город был занят другим событием. Все ждали приезда патриарха. Он должен был освятить освобожденный от музея собор. Храм был приведен в порядок, его расписали и украсили новым иконостасом. Собор не мог вместить всех желающих, поэтому на площади перед ним установили большой экран для трансляции освящения.

В музей пришла разнарядка: всем быть во время службы патриарха – для массовости. Борис Егорыч, раньше к таким моментам относившийся спокойно (куда только работников культуры не сгоняли!), прошептал упрямо: «Не пойду».

И все-таки он пошел. Он скучал без «Богоматери», пока еще томившейся в запасниках. Ему хотелось взглянуть на обновленный собор, на пастыря, и в глубине души еще теплилась надежда на воскрешение источившейся веры.

В собор он, конечно же, не попал. Там, кроме патриарха и священнослужителей, были губернатор, мэр, их заместители, руководители департаментов и депутаты (среди них – тот самый одноклассник). Это Борис Егорыч увидел на большом экране, к которому подступиться тоже было непросто. Время от времени ряды людей крестились и кланялись: в соборе – патриарху, на площади – экрану.

Вдруг Борис Егорыч заметил Леньку. Он копался в одной из многочисленных колонок, опоясывавших площадь. Смотритель продрался к электрику сквозь толпу и тихонько спросил:

– Привет, Лень, работаешь?

– Привет, Егорыч, – ответил электрик, – как видишь. Колонка барахлит. С меня за это семь шкур спустят. А ты чего здесь? Сигнали?

Борис Егорыч утвердительно кивнул.

– Внутри не пускают? – многозначительно спросил Ленька и, не дождавшись ответа, сказал в ухо: – Хочешь на службу вживую взглянуть?

– А как?

– Я проведу. Да не бойся ты, никто не заметит.

Смотритель не боялся, а сомневался. Но, увидев, что Ленька уже закончил ремонт и направился в боковую дверь собора, поспешил за ним. По дороге электрик дал Борису Егорычу свой чемоданчик с инструментами, и полицейский, стоявший у служебного входа, равнодушно пропустил их.

Оставив инструменты рядом с электрическим щитком, они поднялись на хоры и осторожно выглянули из-за колонн, как мальчишки из засады. Невдалеке стоял охранник, и дальше они не пошли. Отсюда тоже было все неплохо видно.

В глаза сразу бросилась большая люстра-паникадило, украшенная десятками электрических свечей. Фрески были блестящими и яркими, запах свежей краски просачивался сквозь аромат ладана. На месте «Богоматери Умиление» стоял новый высокий иконостас. Ряды икон тоже были блестящими и яркими, но казались ненастоящим, не подходящим собору. Свет и звук в храме не уравновешивались, не застывали и не являли притаившемуся наблюдателю чувство гармонии и совершенства.

Борис Егорыч с замиранием сердца посмотрел на собравшихся внизу людей. Со спины он узнал пастыря, его фигуру, седые волосы. Он услышал его голос, ведущий службу. Голос был красивый, торжественный, но чужой. Патриарх повернулся, и смотритель увидел уже знакомое величие, обращенное к важным чиновникам и камерам. Пастырь-друг ушел в небытие. Борис Егорыч не мог здесь больше находиться. Он пошел вниз по лестнице, оставив Леньку подглядывать за службой. В одно из окон смотритель увидел людей, молящихся на площади перед экраном.

Борис Егорыч чуть не запнулся за чемоданчик с инструментами и тут обратил внимание на электрический щиток. Не отдавая себе отчета, он открыл дверку и опустил все рубильники, какие мог. И вышел.

Вначале Борис Егорыч подумал, что ничего не произошло. Он шагнул мимо полицейского и попал в толпу, которая продолжала молиться. Но когда смотритель взглянул на другой конец площади, то понял, что сделал свое дело. Экран был пустым. По инерции люди продолжали кланяться и креститься, но через несколько мгновений они один за другим замерли в недоумении.

В здании что-то пришло в движение. Полицейские потянулись к рациям.

2015

Анна Политова. Белый журавлик

Часть 1. Супер-день и супер-вечер

Над маленьким лесным поселком Ольховка медленно сгущались весенние сумерки. Кое-где на улицах зажглись первые фонари, разбавляя подступающую темноту вялым и мутным светом. Снег уже везде сошел. После него осталась лишь грязная жижа, обильно затопившая все улицы в поселке. Исключением была лишь центральная, вымощенная бетонными плитами. Она носила название Железнодорожной, так как вдоль нее, всего в паре десятков метров, проходила железная дорога, делившая поселок на две большие части.

Олька шла по бетонке, шустро перебирая кроссовками. В ушах – музыка из наушников, в кудрявых каштановых волосах – бойкий, весенний ветер. Длинные ножки-палочки в светлых джинсах особенно подчеркивали хрупкость ее девичьей фигурки. Руки Олька прятала в карманах синей болоньевой курточки, не забывая при этом прижимать к себе школьную сумку. Вдалеке показались огоньки подходящего поезда. «Воркутинский», – с грустью подумала Оля, расстроено шмыгнув курносый, веснушчатый носом. Ее кругленькое, обычно смешливое лицо как-то сразу вытянулось и поникло, растеряв свой природный, нежно-розовый румянец. «Значит уже десять, и я опять опоздала. Этот, наверно, уже пришел с работы, орать будет», – Олька недовольно сверкнула своими по-кошачьи зелеными глазищами и прибавила шаг. Ей надо было быстрее в конец Железнодорожной, где вокзал, а за ним – те самые деревянные покосившиеся «шестерки». В одной из них Оля и жила вместе с матерью и отцом.

Наверно, только эта старая «шестерка» и объединяла их маленькую семью. Мать с отцом терпеть друг друга не могли. Наверно, даже ненавидели. Мать работала билетным кассиром на вокзале и не гнушалась случайными заработками: кому воды натаскает, кому грядки вскопает и дров наколет. Любой работе рада была. А отец все пропивал. До копейки. Мать ходила, просила за него, коньяк дорогой уносила, так его и взяли в поселковую пожарную часть. Люди говорили: «Алкаша?! В пожарку?! Да как так можно-то?!» Хоть там только такие и работали. Что уж говорить, пили в Ольховке сильно и все – от мала до велика. Вбежав на крыльцо своего дома, Олька осторожно приоткрыла старую, рассохшуюся входную дверь. Та предательски скрипнула. «Вот облом, по-любому спалилась, сейчас начнется...» – Оля со страху зажмурила глаза. В коридор, качаясь из стороны в сторону, вышел лысый, худой мужик средних лет в поло-сатой майке-морячке и спортивных с сильно вытянутыми коленками. От него несло перегаром и куревом. – Опять шлялась где-то допоздна со своим ушастым? – прохрипел он, опершись боком на стенку коридора, и пристально посмотрел на Олю красными и узкими с перепоя глазами. – Пап, я у подруги была, у Таньки, можешь позвонить ей, спросить, – голос Ольки дрожал. – Воспитал гулящую девку на свою голову. Пятнадцать лет, а уже с парнями шатается, оторва, – отец достал из кармана спортивных сигареты и закурил, – пороть тебя больше надо было, а мать все жалела, дура. Олька наконец осмелилась зайти в коридор и медленно стянула кроссовки. Отец продолжал, глядя на нее, хрипеть ругательства. Оля собралась с духом и что есть мочи рванула по коридору, стараясь по-быстрому проскочить мимо папы в свою комнату. Но не успела... Он схватил ее за копну кудрявых волос и со всей дури отвесил звонкого леща прямо по голове Ольки.

– Пап, отстань! Где мама? – пытаюсь высвободиться, закричала Оля.

– На смене, где еще. Билетерша позорная, – нервно переминая сигарету во рту, он продолжал тянуть Ольку за волосы. – А тебя никто в дом не пускал, оторвам здесь не рады! – отец расхохотался хриплым смехом.

Оля в отчаянии вырвалась из его рук и быстро вбежала к себе в комнату, захлопнув за собой дверь и закрыв ее на шпингалет. – Уроки делай, раз пролезла, и не мельтеши здесь больше, ко мне друзья придут, – проорал ей вслед отец из коридора. – Ты бы лучше проспался,

пап! Тебе же завтра на смену, – Оля прижималась спиной к двери, пытаясь унять нервную дрожь во всем теле. Маленькая комната Оли была ее единственным прибежищем. Только тут, среди старых, покосившихся стен с полопавшимися обоями, Оля чувствовала себя легко и спокойно. Пусть здесь все дышало бедностью, и из каждого угла сквозило холодом и неблагополучием, но это было ее укрытие. И что важно – с дверью на шпингалете. Дырки на обоях Оля заклеивала постерами рэп-звезд из модных журналов. Она покупала их на почте, спуская все свои карманные деньги. А рваный линолеум на полу Олю вообще не беспокоил. Из мебели здесь был письменный стол со стулом у окна да небольшой шкаф для одежды, стоявший справа от двери. Но главным раритетом была кровать. Ее металлическая пружинная сетка провисала чуть ли не до самого пола. Оля качалась в ней, как в колыбели.

Наконец, взяв себя в руки, Оля быстренько переделалась в теплую хлопковую ночнушку и залезла греться под одеяло. Из-под подушки Оля вытащила блокнот с потрепанными синими корочками и раскрыла его в месте, где была заложена ручка. Закинув в уши наушники, Оля аккуратным, округлым почерком вывела на чистой странице: «07.05.08. Сегодня был супер-день и супер-вечер! Если, конечно, не считать опять пьяного папку... Сегодня дняха Андрея! Моего ушастого голубоглазика... Люблю! – в курносом носу Олки зашипало, и в уголках глаз выступили маленькие капельки слез. – Вручила моему четкому рэперу его любимую Касту! Новый альбом, как он и хотел – „Быль в глаза“ – очень круто! Сама хочу себе. „Вокруг шум“ – это мега песня, это спасение от всех головняков! Вот же она, простая и понятная истина: „Вокруг шум. Пусть так. Ни кипешуй. Всё ништяк“, – Оля подчеркнула строчку из песни жирной чертой и улыбнулась, на ее щеках заиграли милые ямочки. – Да, Андрюша был счастлив, а я – еще больше. Отмечали, как всегда, на площадке за клубом. Были все: Тимоха, Крюк, Иваныч и хуторские. А потом еще и Громова приперлась со своими подругами-подпевалами. Захотелось ей, видите ли, бывшего поздравить. Никак не может смириться. Андрюха прогнал ее. Чудо мое... А сам потом напился, дурак, приставал. Даже пришлось домой вести. Не люблю его такого... Но прощу. Звонить не буду, спит уже, наверно». Захлопнув блокнот и спрятав его под подушку, Оля устроилась поудобнее в своей «колыбели», натянув одеяло до самых ушей, еще немного с улыбкой помечтала под музыку из наушников и наконец незаметно для себя уснула.

Часть 2. Журавушка, белый, не грусти...

Пронзительный школьный звонок настойчиво и громко провозгласил начало большой перемены. Шумные потоки учащихся, то и дело появлявшиеся из-за дверей классных кабинетов, резво устремились в столовую, так и манящую вкусными запахами булочек, котлет и крепкого кофе. Я сидела за маленьким столиком у окна и довольно улыбалась, доедая пончик и запивая его горячим чаем, наблюдая за тем, как большая толпа школьников штурмует раздачную в очереди за едой. Физичка заболела, поэтому урок у нашего 10а отменили, и мы всей дружной толпой, недолго думая, рванули в столовку. Ну как толпой – все двенадцать человек. В Ольховке мало кто из ребят доучивался до одиннадцатого. Обычно девять классов закончили и «привет». Можно же уже ехать в район, в речное поступать, ну или в педколледж, или в медучилище. Ну а вообще и на нижнем складе, на пилораме местной неплохо – там же всех берут. Зачем еще два года в школе париться?

Но те, кто учился в нашем 10а, а это десять мальчиков и две девочки, думали, видимо, иначе. Ну, или их родители. Моя одноклассница Надька уже пообедала и побежала списывать алгебру у нашего отличника Макса. Я, конечно, тоже хорошо училась, но помочь ей не могла: варианты разные, поэтому и осталась сидеть в гордом одиночестве, дожевывая пончик.

– Привет, можно к тебе? – донеслось до меня откуда-то из-за спины. Обернувшись, я увидела Олю Кудрявцеву из 9а. Мы с ней вместе ходили на танцевальный при нашем сельском Доме культуры. – О, привет, Оля! Садись, конечно.

Оля села напротив, поставив на стол тарелочку с пончиком и чай, и улыбнулась мне, хвастая своими милыми ямочками на щеках:

– Ань, ты покрасилась? Тебе хорошо, светло-русый идет к твоим голубым глазам. – Спасибо, – засмушалась я, – Это к нашему концерту в СДК. Вчера как пришла со дня рождения Андрея, так сразу и занялась – полночи провозилась. Как ты-то дошла, успела до прихода отца?

Оля нахмурилась:

– Нет. Опять получила по полной программе.

Я постаралась сменить тему:

– Погуляли вчера отлично. Андрюха, правда, сегодня на уроки не пришел. У нас физра с 11 была, так я его не видела. Зато Громова весь урок брюзжала, что еще поквитается с ним за вчерашнее. Не может успокоиться, что он ее выгнал

. – Да, Андрюша вчера перебрал. Звонила утром – трубку не берет. Как увижу, получит у меня за все, – Олька погрозила кулаком.

Мы дружно рассмеялись.

– А Громова сама заслужила, пусть не обижается теперь, – Олька откусила маленький кусочек пончика и запила чаем.

– Ты как, готова завтра выступить? Не боишься? – поинтересовалась я у Оли. – Говорят, все билеты на завтрашний концерт в СДК продали, даже ветераны придут сразу после митинга в центре.

– Переживаю, конечно. Андрюхе все уши прожужжала про наш журавлиный танец. Он все смеется над нашими нарядами из белых простыней. Говорит, мы в них не на птиц похожи, а на каких-то жутких приведений, – Олька опять нахмурилась.

– Ой, да много он понимает, – отмахнулась я, – не бери в голову. – Не могу, обижаюсь на его слова, ведь он смеется над тем, что мне важно. Конечно, потом извиняется, смешит меня. «Журавушка, – говорит, – ты мой белый, не грусти...». Мы опять рассмеялись.

Вдруг лицо Оли помрачнело:

– Ань, к нам Громова идет со своими прихвостнями». Мы напряженно замерли.

– Я смотрю, девочкам весело? – Громова остановилась у нашего стола и по-деловому скрестила руки на груди. Подруги последовали ее примеру. Настроена она была по-боевому, ей явно хотелось отомстить за вчерашнее.

– И тебе «здравствуй», Настя, – ответила я, глядя на ее ярко накрашенную, наглую физиономию.

– Тебя вообще не спрашивают, – тут же нагрубилась мне Громова, гордо задрал свой остренький подбородок.

– Меня интересует вот эта бесстыжая серая мышь, которая позарилась на чужой сыр! – Настя кивнула в сторону Ольки. – Андрей сам ушел от тебя, не придумывай! – вступилась я за Олю.

– Да это она крутила перед ним своей рыжей гривой! – заорала Настя, вцепившись Оле в волосы. Олька вырвалась, выбежав из-за стола, и оттолкнула Громову так, что та долетела до следующего и с грохотом врезалась в него. Вокруг нас стала собираться толпа любопытных. Я попыталась найти глазами учителей, но как назло никого не было, а у раздаточной все шумела очередь. Поварам было явно не до нас...

– Ты совсем страх потеряла? На кого руку поднимаешь? – Громова в ярости опять приблизилась к нашему столу, на ходу поправляя свой растрепавшийся жиденький хвостик на голове. – Да я тебе сейчас все космы повыдергаю, будешь завтра лысая в своей белой простыне на своем концерте скакать!

– Да пошла ты! – Олька сверкнула зелеными глазницами. Толпа вокруг засвистела и заулюлюкала. Все жаждали продолжения.

– Девочки, успокойтесь, эта ссора бессмысленна! – попыталась вразумить я их.

– Бессмысленно существование этой серой мыши! – Громова указала пальцем на Олю. – Она же никому не нужна! Никому! – Настя вплотную подошла к Ольке. – Вот где твой Андрей сейчас? Видимо, не до тебя ему! А родители у тебя вообще есть? Отец – алкаш, мать кто-нибудь когда-нибудь в школе видел? Может у них хотя бы хватит совести завтра к тебе на концерт прийти? Хотя нет, папашу не бери – увидит тебя в белой простыне, решит, что у него белочка случилась! – Громова расхохоталась. – А мать и так не придет, ей же все время не до тебя!

– Ты откуда знаешь? Не много ли на себя берешь, Настя? – я вступалась, как могла, мое сердце сжималось, видя стеклянные глаза Ольки. Она еле держалась, чтобы не расплакаться.

– Да весь поселок знает! Здесь все все про друг друга знают! И Кудрявцева не исключение! – наконец Громова выдохлась и замолчала, видимо, устав от собственного крика. Олька медленно развернулась и пошла прочь из столовой. Толпа разочарованно загудела. Драки не будет.

– Оля, да это она все от обиды говорит! Не обращай внимания! – я не хотела, чтобы Олька верила во весь этот бред. Оля обернулась и, глядя на меня, сказала: – Все нормально. До завтра! Я приду.

В столовую, как нельзя «вовремя», вошла завуч. Все сразу притихли и стали расходиться по своим делам. Хрупкая Олина фигурка скрылась за дверями столовой. Я подхватила свою сумку и грустно побрела на алгебру. Мне было ужасно обидно за Ольку. Я ругала себя за то, что не смогла ее защитить, ведь я же старше... Но, как оказалось, ничуть не сильнее...

Часть 3. Ради нее, своей Ольки...

Оля медленно шла знакомым до автоматизма маршрутом домой. Последний урок она прогуляла: не смогла пойти, не хотела, чтобы ее видели такой – зареванной и жалкой. Ее душила сильная обида, от которой по щекам то и дело текли слезы, как бы она ни старалась их сдерживать. Она пробовала звонить Андрею, маме, но никто не отвечал. «Все наладится, – пыталась успокоить себя Олька, – за черной полосой наступит белая, переживу». Подходя к дому, Оля увидела на крыльце отца с матерью. Они опять скандалили, судя по стоявшему на весь двор крику.

– Еще только 8 число, праздник завтра, а ты уже «на бровях», сволочь! – кричала мать, выталкивая отца из входной двери дома.

– Пусти, Людка, не нарывайся! Я только за заначкой! – отец еле стоял, держась за дверной косяк. – Ни копейки тебе не дам! Проваливай туда, откуда пришел: пусть тебя, ирода, там и поят за свои! – тут мать заметила подходящую к крыльцу Ольку.

Усталое морщинистое лицо Люды озарило что-то, похожее на слабую улыбку:

– Олюшка, ты чего сегодня рано? Отпустили с уроков? – Да, отменили последний, – Олька соврала, виновато опустив глаза.

– Явилась, оторва, – прохрипел отец. – Молчи, чудовище! – Люда сердито толкнула его худой рукой в бок. Олька поднялась по ступенькам и подошла к родителям.

– А чего ты грустная? Случилось что? – Люда обеспокоенно смотрела на Олю своими потухшими зелеными, но такими же большими, как у Ольки, глазами. – Да ничего особенного, поругалась с одной девочкой в школе. Ты не переживай – и так устала со смены, – Оля погладила маму по рыжим с сединой волосам. – Ну смотри, я же могу сходить, поговорить с этой хулиганкой и ее родителями, – Люда говорила как-то неуверенно. И она, и Олька понимали, что этого не будет. Со своей работой и постоянными шашками Люда не то что до школы, даже до дома доходила не всегда.

– Ладно, мам, забудь, – Олька улыбнулась.

– Давай пробегай уже, – Люда постаралась пропустить дочь. Отец полез следом за Олькой, но тут же получил сильную затрещину в лысую голову. Люда вытолкала его с крыльца, а потом еще и выгнала за калитку. Он особо не сопротивлялся, так как был сильно пьян.

– Пока не протрезвешь, не возвращайся! – прокричала Люда вслед качающейся фигуре мужа, одиноко бредущей по дороге. Он лишь смог промычать что-то нечленораздельное в ответ. Люда вернулась в дом, при этом предусмотрительно закрыв входную дверь на задвижку:

– Олюшка, иди, покушаем. Я борщ наварила, – окликнула она Ольку, накладывая в две тарелки суп.

Олька на зов вбежала на кухню и довольная уселась за стол:

– Мам, как хорошо, что ты сегодня дома! Я соскучилась!

– Оль, да я сама рада. Светку попросила сегодня меня подменить, а то сил совсем нет, – ответила Люда, поставив тарелку с борщом перед Олей и перед собой, а затем присела за стол напротив Ольки.

– Мама, а я завтра выступаю в СДК. Ты придешь? – Оля с надеждой посмотрела на мать. Люда как-то замялась:

– Оль, я завтра к соседям на целый день калымить: дрова буду укладывать. Деньги хорошие обещали...

– Мам, да наплевать на них, я хочу, чтобы ты пришла. И папа, если протрезвеет...

– На отца, сама знаешь, надежды мало. А деньги нам всегда нужны, грех отказываться от такой возможности.

– Грех все время забывать о своем ребенке! – в Ольке опять заговорила обида, да и слова Громовой буравчиком сверлили голову изнутри.

– Оля, не капризничай, ты же уже не малое дите, все понимаешь, – Люда начинала заводиться.

– В том-то и дело, мама, что еще дите! Я хочу внимания, заботы! Я хочу, чтобы вы с папой ходили на мои выступления и гордились мной! Я хочу жить в нормальной семье, где родители любят друг друга и своего ребенка, а не как у нас...

– Ты хочешь сказать, что я не люблю тебя? И не забочусь о тебе? – у Люды потемнело в глазах. – Да я только ради тебя и живу, ради тебя надрываюсь, чтобы заработать хоть сколько-нибудь денег! – закричала она. – А ты... Ты совсем как твой отец – неблагодарная и эгоистичная!

Олька, с грохотом отодвинув табуретку, выбежала из-за стола и скрылась у себя в комнате. – Вот-вот, иди, посиди там и подумай над своим поведением! – крикнула ей вслед Люда. Оля пыталась успокоиться, раскачиваясь в своей «колыбели». Плакать она уже не могла, да и смысла не было – этим все равно ничего не изменишь. Олька достала свой дневник и начала писать быстрым, неровным почерком: «08.05.08. Так больше не может продолжаться. Надо что-то делать. Закончу 9й и уеду! Поступлю в колледж, устроюсь на работу, увезу родителей из этой ужасной дыры. У нас все наладится! Обязательно! Папка бросит пить, деньги появятся, мама больше не будет так уставать. Все в моих руках! Я смогу!» Спустя час Люда тихонько постучала в дверь комнаты Оли. Ей никто не ответил. Она тихонько вошла. Олька спала, на груди у нее лежал раскрытый блокнот. Люда подошла к дочери и погладила ее по волосам, прошептав:

– Олюшка, милая, прости!

Олька тихонько сопела курносым носом. Люда взяла блокнот с ее груди и бегло прочитала последнюю запись. Она решила, что обязательно придет завтра на выступление, чего бы ей это ни стоило. Ради нее, своей Ольки, так по-детски сейчас сопящей носиком в ее «колыбели».

Часть 4. Летим с нами, Оля...

Вокруг было темно. Непроглядный, глухой мрак. «Где это я?» – удивилась, оглядываясь по сторонам Олька, но глаза лишь слепли от черной тьмы, густым облаком укутавшей все вокруг. Оля медленно пошла вперед, осторожно трогая темноту кончиками пальцев. В полной тишине она слышала лишь свое дыхание и легкий шорох шагов. Ступни ощущали неприятный холод. «Я, что, босая?» – Олька медленно наклонилась, пытаясь дотянуться до пальцев на ногах. Руки уперлись во что-то твердое и шершавое. «Это же плиты! Бетонные плиты! Я на Железнодорожной!» – Олька обрадовалась: теперь понятно, где она! Глухую тишину пробил пронзительный гудок поезда. Олька вздрогнула и резко выпрямилась. Поезд яркой светлой стрелой пронесся мимо, прорезав на мгновение темноту.

«Воркутинский, – промелькнуло в Олиной голове, – надо домой, уже поздно, отец будет ругаться». Олька попробовала пойти быстрее. Но темнота пугала, проглатывая ее неуверенные шаги. «Я иду или стою на месте? Мне надо быстрее домой! Отец убьет меня! – Оля в панике заметалась из стороны в сторону. – Свет! Здесь же должны быть фонари! Пожалуйста!» Дорога впереди нее озарилась мягким молочным светом. Фонари горели на старых, покосившихся столбах, в причудливой пляске застыв по двум сторонам улицы. Олька замерла в удивлении: «Вот я чудо! Мне же надо совсем в другую сторону!» Оля обернулась, но за спиной была все та же непроглядная тьма и никаких фонарей. «Что за бред?!» – Олька в недоумении схватилась руками за голову. Ее взгляд упал на белые широкие рукава, легкими волнами струящиеся от самых ее запястий до бетонной серой глади дороги. «В чем это я?» – Оля удивленно оглядела длинное, широкое, белое платье, за подолом которого было невидимо даже ее босых ног. Ольке стало смешно. Ее залиvistый звонкий смех гулким эхом разлетелся по улице.

Откуда-то сверху, из черной темноты полетели крупные белые хлопья. «Это что, снег? В мае?» – Олька попыталась словить «снежинки» ладошками. Хлопья кружили, бесшумно и плавно танцуя в молочном свете фонарей, а потом падали, понемногу устилая кружевным ковром всю освещенную часть дороги.

Олька поймала белое чудо на ладошку: «Это не снег! Это белые перышки! Птичий пух! Откуда он здесь?» Белый хлопьяной ковер кружевным вихрем взвился с дороги. Перья были повсюду. Олька отмахивалась от них, но они назойливо лезли в нос, в рот, в уши. «Все! Хватит! Прекратите! Я хочу уйти отсюда! Мне страшно!» – Олька закрыла лицо руками. Все стихло. Оля осторожно убрала ладони от лица. Недалеко от нее в свете фонарей кружились странные фигуры людей в белом. Только вместо рук у них были большие крылья. Они как будто скользили по дороге навстречу к ней, к Оле, выстраиваясь то узким клином, то широким кругом.

Олька не могла пошевелиться. Ей казалось, что происходит что-то необыкновенное, особенное, неземное. Крылатые фигуры были уже совсем близко. Они выстроились клином, устремленным куда-то туда, в молочную светлую даль улицы, и застыли. Самая крайняя из них повернулась к Оле. Это была женщина с очень светлой кожей. Холодные голубые глаза смотрели спокойно и недвижно из-под снежных густых бровей. У нее совсем не было волос. Только белые длинные перья, гладко покрывавшие голову ото лба и до самой шеи. Она загадочно улыбнулась и прошептала:

– Летим с нами, Оля...

– Вы умеете летать? – Олька не могла отвести взгляд от ее холодных голубых глаз.

– И ты умеешь. Просто захоти, – шелестел тихий, вкрадчивый голос женщины. – Мне надо домой, меня там ждут! – Олька обернулась, указав рукой в черную темноту.

– Ты в этом уверена, Оля?

По щекам Ольки потекли слезы. Она знала ответ, но не хотела произносить его вслух. Олька медленно шагнула навстречу крылатой стае. Ее руки взметнулись вверх, широкие белые рукава превратились в крылья. Белый клин дружно оторвался от дороги. Олька летела. Она больше не чувствовала ничего: ни страха, ни тревоги. Лишь на дороге, на стыке тьмы и света, осталось белое перышко, выпавшее из внезапно выросших больших крыльев...

Оля проснулась от сильной дрожи во всем теле на подушке мокрой от слез. За окном уже было совсем темно. Оля долго лежала недвижно, глядя в черный потолок, пока сон снова не поглотил ее.

Утром перед тем, как идти на выступление, Олька достала дневник из-под подушки и, раскрыв его на новой странице, неуверенной, дрожащей рукой написала: «09.05.08. Какой жуткий сон. Я больше, наверно, никогда не смогу заснуть. Страшно. Как будто кто-то во сне дал мне выбор... И не между тем, чтоб идти или не идти домой. Нет. Скорее, так: жить дальше в этой жуткой тьме или улететь туда, где будет уже все равно. И я полетела... Слабачка! Неужели я умру? Это же полный бред! Надо меньше думать о плохом! Да и вообще, все, забыли! Это просто сон, просто игра моего воображения».

Часть 5. Все было как во сне...

Холодный свет софитов ярко освещал небольшую сцену СДК. Зал гудел, словно большой рой пчел. Люди толпились повсюду: в проходах, у сцены, – все были заняты поиском своих мест. Многие были с цветами и радостными улыбками – конечно, такой праздник случается не каждый день!

В первом ряду сидели доблестные ветераны Великой Отечественной войны. Их осталось немного, но все они пришли на концерт, несмотря на возраст и давно уже не молодецкое здоровье. Мы стояли ровной колонной на самом краю сцены, прячась за краем уже приоткрытого занавеса. Девять взволнованных босоногих девушек в белоснежных свободных платьях в пол с широкими длинными рукавами. Мы сшили их сами, из обычных простыней. На головах у нас были надеты бумажные венки с наклеенными на них белыми перышками. – Девочки, постарайтесь сделать все чисто, без ошибок! – наш хореограф, приятная женщина лет тридцати пяти, Юлия Геннадьевна очень переживала и старалась настроить нас на нужный лад.

– Давайте порадуем ветеранов хорошим выступлением! Поддерживаете меня, журавлики мои?

– Да! – хором прогудели мы.

– Как ты себя чувствуешь? – повернулась я к стоящей следом за мной Ольке. – Ты какая-то бледная.

– Не выпалась немного, да и с мамой вчера поругались. А извиниться не получилось, я когда проснулась, ее уже дома не было,

– Олька слабо улыбнулась мне.

– Не расстраивайся, помирись еще! – я ей подмигнула. – Оля, не забывай, на словах «летит, летит по небу клин усталый» ты выходишь вперед всех. Мы поменяли тебя и Вику местами, помнишь?

– Юлия Геннадьевна еще раз все перепроверяла.

– Да-да, не переживайте! – Олька показала ей большой палец.

– Ну и отлично! Через минуту начинаем! – поправив пышное каштановое каре и припудрив худенькое с высокими скулами лицо, Юлия Геннадьевна изящной походкой пошла на сцену, демонстрируя великолепную осанку и подтянутую, спортивную фигуру.

Выйдя на середину и подойдя к микрофону под звонкие аплодисменты зала, она громко проговорила:

– Дорогие друзья! Мы рады видеть вас в такой замечательный и необыкновенный день на нашем концерте, посвященном Дню Победы в Великой Отечественной войне! Давайте от души поприветствуем доблестных ветеранов, которые присутствуют здесь сегодня! – зал разразился аплодисментами.

– Открывает наш концерт танец «Журавли» в исполнении учениц старших классов Ольховской средней школы. Давайте поддержим их дружными аплодисментами! – зал зашумел.

Зазвучали первые знакомые аккорды. Медленно и плавно мы одна за другой «вылетали» на сцену под лирическое пение Марка Бернеса: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей...». В бесконечном потоке кружений под печальную музыку журавлиной песни наша стая выстраивалась то кругом, то клином, то сближалась в центре сцены, то стремительно разлеталась по всей ее ширине...

Завораживающий голос Бернеса проникновенно запел первые строчки третьего куплета: «Летит, летит по небу клин усталый...». Олька плавно вышла вперед и заняла место жоака нашей стаи. В такт музыке мы делали легкие взмахи «крыльями» и медленно раскачивались. Наш клин как будто парил над сценой, залом – не существовало никого кроме нас – печальных белых журавлей.

Бернес продолжал: «И в том строю есть промежуток малый – быть может, это место для меня...». Я заметила, что Оля как-то странно и медленно начала оседать все ниже и ниже, пока совсем не опустилась на сцену, как-то неловко завалившись на бок. Олькины кудрявые каштановые волосы упали на ее лицо. Мы в недоумении застыли, на сцену выбежала Юлия Геннадьевна и попыталась привести Олю в чувство. В зале никто ничего не понимал. Музыка остановилась.

– Оля, очнись! – Юлия Геннадьевна трясла Ольку за плечи. Зал зашумел. Кто-то крикнул:
– Надо скорую вызывать!

Олька понемногу начала приходить в себя, у нее даже получилось встать и пойти, держась за Юлию Геннадьевну. На сцену забежала тетя Люда – Олина мама. Вместе с Юлией Геннадьевной они увели Ольку за кулисы. Все девочки, включая меня, последовали за ними. На сцене начался следующий номер.

– Олюшка, тебе полегче? – тетя Люда гладила сидящую в кресле Ольку по волосам, стоя возле нее.

– Да, мам, просто голова закружилась. Можно воды?

Я принесла Оле попить. Юлия Геннадьевна пошла звонить в скорую. Олька как-то странно посмотрела на меня, свою маму и прошептала:

– Все было как во сне...

– Ты про что, Оль? – спросила тетя Люда.

– Я сегодня во сне улетела со стаей белых журавлей... – Это ты просто переволновалась перед выступлением, думала, наверно, о нем, вот тебе и приснилось, – я улыбнулась Оле. – Да, Олечка. Да и не поела вчера ничего и утром, небось, не позавтракала, вот тебе и поплохело. Олька молчала. По-моему, она нам совсем не верила.

Юлия Геннадьевна подбежала к нам:

– Скорая уже едет, – кто-то еще до меня позвонил, – сейчас она будет здесь. Олька, ну напугала ты нас всех! У меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло!

– Простите меня! Я сорвала номер! – Олька совсем погрузилась.

– Ерунда какая, – Юлия Геннадьевна отмахнулась, – главное – поправляйся, ты нам нужна! Как мы без такой гибкой и пластичной танцовщицы? – Юлия Геннадьевна подмигнула Ольке. К нам подошли остальные девочки. Все старались подбодрить Олю, она наконец начала улыбаться, и на ее щеках даже зарозовел румянец. Скорая подъехала к запасному выходу, со стороны сцены. Олька попросила увезти ее домой, в больницу она не захотела. На прощание Оля с улыбкой помахала из окошка отъезжающей машины всем, кто ее вышел проводить. И вроде бы опять все наладилось, но что-то тревожное так и осталось витать в весеннем, уже по-майски теплом воздухе...

Часть 6. Как дика трава...

Дорога от моего дома до нашей поселковой пекарни занимала совсем немного времени – десять минут, и я уже открывала тяжелую металлическую дверь, вдыхая аппетитные, дурманящие ароматы свежей выпечки.

– Здравствуйте, тетя Тамара! – улыбнулась я миловидной, пухленькой, с голубыми глазами женщине в белом халате и косынке за прилавком.

– Батоны сегодня есть?

– Привет, Анечка! Пока нет, но если подождешь минут двадцать, то будут, как раз сейчас печем.

– Договорились! – я терпеливо уселась на скамейку, стоявшую возле окна недалеко от прилавка.

Двери пекарни вновь распахнулись и в магазин, кряхтя и шаркая резиновыми галошами, надетыми поверх теплых носков и колготок, зашла старенькая бабушка в беленьком платочке и в шерстяной серой кофте поверх цветастого платья.

– Тома, здравствуй!

– Здравствуй, Любовь Никитишна! Как здоровье у тебя? – тетя Тамара говорила громко, видимо, зная, что бабушка не очень хорошо слышит.

– Жива, слава Господу! – бабуля перекрестилась. – Давеча так спину прихватило, думала, помру, ан нет, видишь, пришла я! – бабушка заулыбалась.

– Даст Боже, еще поживете, Любовь Никитишна! – тетя Тамара заулыбалась.

– Да, Томка, сколь даст, столь и поживу, благослови Господи! Господи благослови! – бабушка опять перекрестилась и прошаркала к лавочке, на которой сидела я.

– Здравствуйте! – кивнула я ей.

– Здравствуй, внучка! – бабуля улыбнулась мне беззубым ртом, присаживаясь рядом, – По хлеб?

– Ага, – закивала я. – Ты чья будешь-то? Не Политовых? – бабушка с любопытством разглядывала меня, щури мутно-зеленые глаза.

– Угадали, – улыбнулась я ей.

– То и вижу, на Валерку-то, отца, вон как похожа, хороший он мужик, работающий, – бабуля с минуту о чем-то задумалась. – Вот Томка, Валерка-то Политов хороший мужик, говорю, – бабушка повернулась к тете Тамаре.

– Наверно, Любовь Никитишна! – Тома разгружала только что привезенную тележку со свежим черным хлебом.

– Да, – бабуля сидела, опершись руками на свои коленки. – А этот Кудрявцев из пожарки, слышь, Тома?

– Что Любовь Никитишна? – Алкаш и убиец он, вон что! – бабуля плюнула куда-то в пол. – Прости Господи! – бабушка перекрестилась. Я напряглась.

– Ты что такое говоришь-то, Никитишна? – тетя Тамара застыла за прилавком, держа в руках буханки черного.

– Ак а все уж говорят, Тома. Беда-то ведь кака... – Любовь Никитишна покачала головой. – Вчерася, вечерне, опосля концерта-то энтото Людка-билетчица, жинка его, к соседям дрова пошла покласть. А к нему попойки-то из пожарки и приперлися.

– Ну, говори быстрее-то, Никитишна! – тетя Тамара разнервничалась, положив хлеб прямо на прилавок.

– Ак я и говорю, свара у них там кака вышла иль чо, а девку-то ейну загубили, аспиды. Царство ей небесное! – бабуля опять перекрестилась.

– Така хороша девка была. А как вчерася танцевала она на энтотом концерте-то... Крылами белыми взмахивала. А кака худенька да бледненька была – аж просвечиват. Белым журавликом-то и улетела от нас, сердешная, – бабушка завывтирала слезы, ручьем побежавшие по ее щекам.

У меня внутри похолодело. Я не верила, что Олька умерла.

– Чья девка-то, Никитишна? Всю душу ты мне сейчас вымотаешь! – тетя Тамара ничего не понимала.

– Так Людки-билетчицы. Она на крики-то воротилась, да уж не поспела, горемычная. Лежит девка-то ее на крыльце, ровно дремлет, только головушку больно расшибла. Толкнул ее кто, али че. А они пьют в доме, ироды.

– Так а Кудрявцев-то чего? – глаза тети Тамары были полны слез

. – Ак пьяный был, не помнит ниче, аспид. Говорит, и не заметил, что упала она. Темно дело, Томка. Ой, темно... – Никитишна замолчала, грустно качая головой. – Как дика трава росла девка-то. Ни папке, ни мамке не до робенка. А она тепла родительского искала. Простого, человеческого. Не сберегли девку. А теперь ровно сами без нее как мертвые.

Надин Ривз. «Мечты в формалине»

Глава ИЗ РОМАНА

Теплая летняя ночь, после череды дождливых дней и ночей стала идеальной: сладостная свежесть и тепло, шелест листвы, стрекот светлячков, еле слышное шуршание шин по асфальту где-то вдалеке, создавали летнюю мелодию; и дурманящий аромат лета зовущий к себе. Все это призывало окунуться в первозданность летней ночи. Сбежать на край земли. Почувствовать дикую силу чего-то давно ушедшего и забытого, ту природную благодать, которая просыпается в нас время от времени. Уйти в нее на поиски сокровища, спрятанного еще в детстве. Прикоснуться к своей душе, опускаться в нее все глубже и глубже пока не достигнешь дна, чтобы дотронуться до скелета бога.

Саманта лежала на спине, на обочине дороги, нагретый за день асфальт отдавал тепло, оно проникало в кожу Саманты сквозь одежду. Высокое черное небо над головой светилось миллиардами созвездий. Она впитывала тепло ушедшего дня и вспоминала, как в детстве с друзьями любила пробегать по только что залитому битуму и горячему асфальту. Битум прилипал к подошве кроссовок, тянулся как жвачка, собирал на себя мусор и песок, отчего становилось трудно идти, а на раскаленном асфальте оставались следы, и это приводило в неописуемый восторг. Детские игры. Вляпаться во что-то и непременно оставить след. И самое забавное, или все же печальное, но со временем, кроме как масштаба и значимости ничего не меняется. Конечно, меняемся мы сами. Но суть наших действий это детская игра, выросшая из коротких штанишек. Игра стала реальностью. Искаженной реальностью

Саманта села, вытащила из кармана пачку сигарет и зажигалку. Покрутив в пальцах зажигалку, щелкнула ей, вырвавшийся свет подсветил в полумраке ее лицо.

Сапфировые глаза, освещенные огоньком, казались еще ярче, чем есть на самом деле, светлые волосы рассыпались по плечам, и она откинула их назад, открыв лицо с выразительно очерченными скулами. Губы Саманты дрогнули в чуть заметной улыбке.

Впереди уходящая вдаль трасса, над головой звездное небо, и она, сидящая на обочине с маленьким огоньком в руках, в черной майке и потертых голубых джинсах, с растрепанными волосами и больше никого – почти мистическая картина. Она достала сигарету и закурила.

Забытая дорога, построенная чтобы разгрузить основную трассу от потока машин и обеспечить объезд на случай аварий, стала для Саманты местом, где можно думать или мечтать. Машины по той дороге проезжали не чаще чем раз в пару дней, и никто не мог ее потревожить. Когда ей надоест сидеть на земле, она заберется на крышу машины. Полтора часа езды от Кливленда до трассы стоили погружения в бесконечную гармонию. Забытая дорога обладала особым очарованием, длинная гладкая черная лента с белой разметкой в эти часы принадлежала Саманте, ей принадлежал весь мир, а она ему. Тому забытому прекрасному миру с романтикой бесцельных путешествий и искренних чувств.

Полумрак и тихая музыка словно прибыли вместе с ней в ее любимое рок-кафе. Чарующий голос певицы овладел ее сознанием. Она не слышала эту песню раньше, не знала, кто поет. Это была песня, которую слышишь, и она с первых строк ловит тебя в свою ловушку: слушаешь и видишь свою жизнь, чувствуешь свою грусть, видишь себя в словах и музыке

Когда песня закончилась, Саманта поняла, что сидит и смотрит, не отрываясь на отполированную столешницу стойки – Все в порядке? – Чак обеспокоенно заглянул ей в глаза – Заслушалась, не слышала раньше эту песню, – улыбнулась она. – Возьми меня под свою опеку, – сказала она, глядя в глаза Чаку, своему другу и бармену в «Рок энд роуз». Тот рассмеялся, и забрал у нее пустой стакан

Этот высокий парень с ясными зелеными глазами и непослушными темно-русыми волосами, доброй улыбкой и готовностью всегда выслушать и дать совет, уже два года, сам того

не подозревая, оберегал мир Саманты. Их общение проходило в круглосуточном кафе-баре. Саманта приходила туда писать, наблюдать за людьми, болтать с Чаком, иногда выпивала немного виски и выкуривала сигарету, сидя за барной стойкой с блокнотом.

Чак живет на Шеппард-роуд, 43, и любит рок-музыку, читает современную литературу и ненавидит политику. В этом они совпадали. Они говорили о музыке, литературе и жизни. Саманта рассказывала ему о чем сейчас пишет, о подруге Саре. Не так давно рассказала про Эмили. Это было непросто, она ни с кем не говорила о ней вот уже очень давно. Родители не в счет. С ними об Эмили она тем более не говорила. Мама начинала плакать, а отец уходил курить. Саманта осталась одна. Они жалели Эмили, забыв о том, что Саманта живая. Она их не винила, ей самой не хватало сестры. И об этих чувствах, которые она испытывала тогда, она рассказала Чаку. Она открылась, и ей стало легче. Пусть сестра уже и стала отполированным образом, но чувства были настоящими, и их нужно было выпустить.

Он в ответ рассказывал истории, которые слышал от людей, проходящих в бар или от своих знакомых. Вместе они развлекались тем, что придумывали биографии посетителям. Некоторые Саманта записывала, и, смеясь, обещала указать Чака в соавторах, если из записанного что-то да выйдет. Он улыбался в ответ. Пока из тех записей ничего не вышло

– Повтори! – попросила она, убирая за ухо светло-русую прядь

– Нет, Сэм, не сегодня, – он покачал головой.

– Почему? – Потому что тебе на сегодня хватит

– Так и быть соглашусь с тобой. Так скажи, ты бы взял меня под свою опеку? – она протянула руку в попытке поймать его за руку

– Нет, – ответил он, увернувшись от Саманты.

– Почему? – удивленно спросила она

– Ты это серьезно? Или шутишь? – он облокотился на стойку, рассматривая Саманту, пытаясь понять, что с ней происходит.

– Серьезно. Так почему? – Саманта не улыбалась, и выглядела серьезной.

– Не хочу, чтобы ты меня убила, как только я выбешу тебя своими советами и опекой, – улыбнулся он. – Ты ветер, Сэмми. Ты не можешь жить под опекой, ты летаешь по свету, иногда кажется, что ты везде, как воздух. А ветер нельзя опекать.

– Красиво сказано, – едва заметно улыбнулась она.

В баре уже никого не было. Даже музыка смолкла. Тишина смешивалась с их голосами и шумом, доносившимся с улицы – Так все и есть, Сэмми.

– Но я никого не убивала, и вряд ли это сделаю! – возразила она. – Здесь ты не прав.

– Но можешь? – теперь уже Чак смотрел ей в глаза, жадно ожидая ответа.

– Не знаю, – пожала плечами Саманта. – Люди социальные животные. Мы придумали правила для своего общества, и каждый придумал правила для самого себя

– Что у тебя случилось? Кто-то опять без спроса ворвался в твою жизнь с ценными указаниями? – спросил Чак, всматриваясь в глаза Саманте

– С ними приходит только Сара. И она уже начинает меня угнетать, а я не могу послать ее, боюсь обидеть. И еще я могу больше ничего написать. История Эмили закончилась. Я долго была с ней, и вот – все. Мне кажется, что это конец не только цикла рассказов, но и моей жизни. Я не знаю, что мне делать. Я словно задыхаюсь

– Сэмми, – ласково произнес Чак, накрыв ее руку своей. – Поезжай домой, выспись. И не нужно так думать, что твоя жизнь закончилась. Ты устала, вот и все

– Знаешь, Сара опять устроила мне свидание, – сказала Саманта, глядя за спину Чака, на бутылки с напитками за его спиной. Ей не хотелось уходить, так почему бы не рассказать про неудачные свидания и Сару, великолепно играющую роль сватки

– Так все плохо? – изобразил удивление Чак. Он был рад, что Саманта быстро сошла с меланхолического настроения

– Очень! – рассмеялась она. – Это или умники, которые говорят на полуматематическом языке, по крайней мере, звучит именно так. Или абсолютно примитивные, тип «пацанчик с района». И каждый раз я чувствую себя паршиво

– И кто был недавно? – хитро улыбнулся он. – Я не знаю, где она его нашла, – Саманта посмотрела на его руку, все еще лежащую на ее руке. – Сара твердила, что мне будет интересно. Парень – набор модных трендов. Веган, вейпер и помешан на сэлфи. Он говорит очень быстро, в самый неожиданный момент делает снимки. Рассказывал о культуре вейперов, потом о веганстве. Потом сэлфи! Я от силы сказала пару слов, пошутила на тему безалкогольных алкогольных коктейлей. И сказала, что наша жизнь стремится упроститься до атома. И в итоге он мне сказал, что я немного не дотягиваю до уровня классной девчонки, но он готов со мной встречаться. И тут же начал мне говорить о том, как будут строиться наши отношения.

– И как? – Принцип свободных отношений, а я как бы временно-постоянная девушка. Ведь все равно я одна, и уже хожу на свидания как на собеседование. Так что он меня берет. Это его слова. Я ушла. Без прощания и объяснений. Мне хотелось задушить Сару. Мы с ней два дня как не виделись, это ее спасло

– Ну вот, ты была готова кого-то убить, – победно улыбнулся Чак – Это была естественная реакция на ситуацию – А почему Сару, а не этого парня?

– Он не виноват, что Сара решила познакомиться его со мной. Если бы я душила всех, с кем знакомит меня Сара, то полиция бы уже искала маньяка

– Вот видишь! Ты опасная личность, Саманта Лейк – Поэтому мне и нужно, чтобы ты взял меня под опеку и не подпускал ко мне Сару – Могу лишь дать дружеский совет: выскажи Саре все, будь с ней честна как со мной

«Как с тобой», – она грустно улыбнулась. С тобой легко быть честной и свободной – Спасибо за все, – сказала она. – Мне пора идти, скоро рассвет

– Пока, Сэмми, – он убрал руку с ее руки. – И не смей вредить себе. Она молча кивнула, понимая, куда он клонит. Все в порядке, этого всего лишь слова, у Эмили их не было. Саманта спрыгнула со стула, подхватила сумку и пошла к двери. Она вышла на улицу, и подняла голову к светлеющему небу, вдохнула прохладный воздух утра. Она слышала, как сзади нее в замке повернулся ключ. Обернувшись, она встретила в окне глазами с Чаком и, помахав на прощание, пошла к машине.

В доме витала тихая прохлада. Утренний чистый свет заполнял комнаты, делая все неживым, хрустким и хрупким. Саманта скинула туфли и прошла в комнату. Она упала спиной на кровать и закрыла глаза. Сознание медленно погружалось в сон, но она сопротивлялась, на ощупь стягивая с себя одежду. Боролась со сном, чтобы еще раз прокрутить в голове эмоции асфальтовой медитации, проговорить диалог с Чаком

И, тем не менее, сон взял верх, она медленно падала в черную бездну сна: «Саманта! Сэмми!» Эмили стоит внизу лестницы и зовет ее. И Саманта улыбаясь, бежит вниз по лестнице к сестре. Эмили улыбается ей в ответ.

Она была прекрасна. Она была ангелом. И ангел не выдержал натиска реального мира и улетел обратно на небо. Эфемерные крылья не выдержали телесной оболочки, и она разбилась о землю. Ангел улетел, оставив красивое разбитое тело на земле. Эмили было семнадцать, когда она улетела. Почему Эмили покончила с собой? Этот вопрос остался без ответа. Она не оставила записки. После нее не осталось дневника, записей на последних страницах в тетрадях. В компьютере все ее папки были уничтожены. Осталась лишь аккуратно сложенная в шкафу одежда, и тетради с книгами, лежащие на столе ровными стопками. Не было намеков в разговоре с друзьями и родными. Она никогда не произносила слова «смерть» и «самоубийство». Спокойная уравновешенная, всегда собранная Эмили одним весенним утром покончила с собой.

Пытаясь понять причины самоубийства, Саманта часто рассматривала внешнюю сторону, надеясь понять, что творилось у нее внутри. Она перебрала все вещи Эмили от одежды до книг. Проверила карманы джинсов, юбок, верхней одежды. Искала тайные послания в песнях любимой певицы Эмили Уитни Хьюстон и в ее любимой книге Харпер Ли. Но ничего не нашла... Эмили была чиста. Чистое самоубийство.

Все чувства, мысли, переживания Эмили принадлежали только ей. Она не делила их ни с кем.

В памяти Саманты Эмили осталась доброй старшей сестрой. Ангелом. Умершие забываются быстрее, чем живые. Память съедает все подробности, детали, факты, оставляет лишь размытый образ, подобный призраку. Оставляет пару историй, вызывающих теплую улыбку. Так было с Эмили. Так помнила Саманта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.